

Лосевская комиссия Научного совета
«История мировой культуры» РАН

Античная комиссия Научного совета
«История мировой культуры» РАН

Культурно-просветительское общество
«Лосевские беседы»

Библиотека истории русской философии
и культуры «Дом А.Ф. Лосева»

А.И.
2013

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ
И КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
традиции, трактовки, трансформации

*К 190-летию со дня рождения
и к 130-летию со дня смерти
Ф.М. Достоевского*

ВОДОЛЕЙ
МОСКВА
2013

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....9

I

Роберт Бёрд.....15
(США, Чикагский университет).
Физиономия Достоевского

Мариза Денн.....24
(Франция, Университет Мишеля Монтеня – Бордо-3).
Об использовании картины Г. Гольбейна в романе
Ф.М. Достоевского «Идиот» и о различиях между
Россией и Западом

Исупов К.Г.....34
(Россия, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена).
Метафизический город

Марченко О.В.45 ✓
(Россия, Москва, РГГУ).
Ф.М. Достоевский и тема «культурной сложности»
Серебряного века

II

Сараскина Л.И.61
(Россия, Москва, Институт искусствознания).
«Кто сей красавец?» (Ф.М. Достоевский и А.Л. Блок:
к проблеме демонизма)

Касаткина Т.А.76
(Россия, Москва, ИМЛИ РАН).
Выстрел в Христа у Ф.М. Достоевского и А. Блока: как
возрождается надежда

Приходько И.С.....83
(Россия, Москва, ИМЛИ РАН).
«Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...»:
А. Блок и Ф.М. Достоевский. Комментаторская реплика
к стихотворению А. Блока «Вот Он – Христос...»
10 октября 1905 г.

- Сергеева-Клятис А.Ю., Лекманов О.А.* 89
 (Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).
 «Тут бывал Достоевский» (о блоковском слове в поэме
 Пастернака «Девятьсот пятый год»)
- Магнус Юнггрен* 93
 (Швеция, Гётеборгский университет).
 «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и
 «Петербург» Андрея Белого
- Богданова О.А.* 101
 (Россия, Москва, ИМЛИ РАН).
 Концепт «земля» в творческом сознании Ф.М. До-
 стоевского и культурных деятелей Серебряного века
 (Д.С. Мережковского, А.А. Блока, Вяч. Иванова, Фе-
 дора Сологуба, Андрея Белого, Г.И. Чулкова)
- Полонский А.В.* 111
 (Россия, Белгород, НИУ «Белгородский государственный
 университет».
 «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: Взгляд из
 Серебряного века
- Артамошкина Л.Е.* 119
 (Россия, Санкт-Петербург, СПбГУ).
 От Раскольникова к Заратустре: Истоки формирова-
 ния ницшеанца в культуре Серебряного века
- Анджей Дудек* 132 ✓
 (Польша, Краков, Ягеллонский университет).
 Герои Ф.М. Достоевского в интерпретациях Вяч. Ива-
 нова и Д.С. Мережковского
- Андрущенко Е.А.* 147
 (Украина, Харьков, Харьковский национальный
 педагогический университет им. Г.С. Сковороды).
 Ф.М. Достоевский в публицистике Д.С. Мережков-
 ского
- Розанна Казари* 157
 (Италия, Бергамский университет).
 «Символы красоты» у Ф.М. Достоевского и И. Ан-
 ненского

Наталья Гамалова.....	165
(Франция, Университет Жана Мулена – Лион-3).	
Ф.М. Достоевский – субъект и объект критики И. Анненского	
Доброхотов А.Л.....	181
(Россия, Москва, НИУ «Высшая школа экономики»).	
Демонология Вяч. Иванова в книге «Достоевский»	
Титаренко С.Д.....	194
(Россия, Санкт-Петербург, СПбГУ).	
Мифокритика Вяч. Иванова как метаязык описания творчества Ф.М. Достоевского	
Визгин В.П.	207
(Россия, Москва, ИФ РАН).	
Резонансное движение культуры: Достоевский – Вяч. Иванов – Марсель	
Уго Перси.....	223
(Италия, Бергамский университет).	
Русская пресса о «Братьях Карамазовых» МХАТа: М. Волошин и другие	
Эдельштейн М.Ю.....	232
(Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова).	
Неизвестная статья П.П. Перцова о Ф.М. Достоевском	
П.П. Перцов	240
По поводу «Идиота» на сцене.	
Подготовка текста и примечания М.Ю. Эдельштейна	
Резниченко А.И.....	249
(Россия, Москва, РГГУ).	
«Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» А.С. Глинки-Волжского: из истории одного «несбывшегося события»	
Московская Д.С.....	267
(Россия, Москва, ИМЛИ РАН).	
Петербург Ф.М. Достоевского в литературно-критическом пространстве Серебряного века как источник литературоведческого урбанизма Н.П. Анциферова	

А.В. ПОЛОНСКИЙ

(Россия, Белгород,

НИУ «Белгородский государственный университет»)

«Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: взгляд из Серебряного века

«Жестокий талант» – приговор, который вынес Достоевскому выдающийся мыслитель, публицист, социолог и литературный критик Н.К. Михайловский. Читая романы Достоевского, хочется скорее согласиться с этой оценкой, однако при чтении «Дневника писателя» возникают совсем иные чувства, заставляющие задаться вопросом: «В чем же здесь жестокость?» Если оставить в стороне характер содержащихся в «Дневнике» социальных оценок и выводов, чему посвящено много исследовательских работ, то нетрудно заметить, что в дневниковых размышлениях писателя обнаруживается не только обостренная социальная чувствительность и отзывчивость на широкий круг проблем современного ему общества, но и необыкновенная открытость, исповедальность, неизмеримая глубина душевных переживаний, человеческого сочувствия, сострадания и гражданского милосердия.

«Дневник писателя» вызвал много откликов современников. «Диалог» с писателем развернулся и в эпоху туманной неопределенности, сомнений и тоски, – эпоху, в которую учение Достоевского нашло свое, так сказать, естественное русло.

Не все представители Серебряного века, как известно, поклонялись гению Достоевского, однако ни один российский интеллигент того времени не мог не принимать его в расчет. Дебаты были самыми горячими, в них принимали участие практически все философские школы, тем самым продемонстрировав широчайший кругозор своих взглядов, который более адекватно, чем предыдущий, соответствовал интеллектуальной перспективе самого Достоевского. Как пишет К.Г. Исупов в статье, представляющей своего рода развернутый конспект восприятия Достоевского эпохой Серебряного века в философском ракурсе, «“Серебряный век” переживает Достоевского не как проблему в ряду проблем, но как *тему жизни*»¹.

Жизнь как тема дискуссии допустима именно в качестве философских размышлений, однако в данном случае невозможно «ограничиться» только метафизическими рассуждениями, ведь метафизика Достоевского порождается физическими лицами, ситуациями, социальными средами: его герои не только живут, но и борются с жизнью за жизнь, и в этой борьбе испытывают до последних пределов жизнь земную, предчувствуя и предсказывая потустороннюю. К.Г. Исупов по этому поводу пишет:

Станным образом герой-интроверт, с его привычкой к внутреннему соморазглядыванию и озабоченностью границами личности, помог по-новому понять *социальную* сложность интересубъективного пространства².

Потусторонняя жизнь представлена не только раем. Художественное изображение абсолютного добра нелегко дается самому Достоевскому (впрочем, с точки зрения «икастичности», т.е. силы образного воспроизведения действительности, ценителей дантовских «Ада» и «Чистилища» больше, как кажется, чем ценителей «Рая»). Дело в том, что дьявола, в отличие от Бога, не нужно искать: он сам охотно ищет человека, надевая разные маски в зависимости от ситуации и среды. Известны слова Вяч. Иванова о Достоевском, вспоминая знаменитую фразу Дмитрия Карамазова: «<...> этот поэт вечной эпопеи о войне Бога и дьявола в человеческих сердцах»³. Однако в романах Достоевского человеческое сердце не является нейтральной ареной, на которой идет исполинский бой между Добром и Злом. Скорее всего, оно является третьим, гибридным, измененным участником в этом бою.

Арена – это повседневная жизнь человека, и, как сам Достоевский любил ее представлять, она чаще всего беспросветна и убога, и в тусклом ее свете имеет обыкновение являться дьявол. Он является и Ивану Карамазову: то ли из-за его затуманенного разума, то ли из-за тусклого освещения комнаты – не понятно, реален ли он, реален ли их длинный разговор, но то, что больше всего от этого разговора и среди всяческих ругательств и брани в адрес дьявола остается в памяти, это одно слово: *пошл* – «Ты глуп и пошл». А дьявол, притворяясь простым, мелким буржуем, отвечает, что его

стремление – воплотиться «в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху».

Пошлость – не новость в русской литературе. Если не ранее, то она появилась «из шинели Гоголя»⁴, и ее изображение прошло через всю историю русской литературы вплоть до сегодняшнего дня. А.Р. Небольсин писал:

Пошлость – это духовное мещанство и самодовольная посредственность. Ее облик был раскрыт еще Гоголем; ее узнавали в лицо Толстой, Достоевский, Леонтьев, Анненский, Герцен, Чехов, Ильин, Набоков, Иваск. Россия особенно остро переживала пошлость⁵.

Заинтриговала она и представителей Серебряного века, привлеченных фигурой дьявола, так как многие аспекты русской жизни не могли не раздражать их изысканного вкуса. Имея в виду, несомненно, купчиху Достоевского и цитируя Федора Сологуба, Лев Шестов пишет по поводу основной темы его поэзии:

<...> Сологуб не выносит «жизни», бабищи румяной и дебелий. Он мог бы сказать про себя, вместе с Достоевским, что чувствует себя так, точно с него содрана кожа. Всякое прикосновение извне отзывается в нем мучительной болью. Один, один исход – подземелье⁶.

Невольно вспоминается эпизод, рассказанный В. Ходасевичем в книге воспоминаний «Некрополь»: на юбилейном вечере по случаю 60-летия Сологуба к нему бросается восторженный Белый с поздравлениями, хватает за руку, крепко ее жмет, а Сологуб, гадливо сморщиваясь, сухо процеживает: «Вы делаете мне больно».

Достоевский представил «жизнь» не только беспокойной жизнью своих персонажей, а, так сказать, с натуры, и результатом такого изображения, то есть без посредничества художественного воображения, стал «Дневник писателя». Однако нельзя сказать, что «Дневник писателя», будучи связанным с непосредственным наблюдением повседневной действительности – сугубо журналистско-публицистический текст. Трудно определить жанровый статус «Дневника писателя», который в пору его появления критика встретила отрицательно, пре-

жде всего и скорее всего в связи с формальной организацией текста⁷.

Сочетание фактологического принципа (документализма) с особенностями художественного осмысления и повествования создало публицистическое произведение. Как пишет по этому поводу О. Евдокимова:

Художественные произведения и публицистические, литературно-критические статьи в «Дневнике» объединяет взгляд на них как на факты действительности⁸.

Таким образом, нетрудно определить смысловой и тематический стержень произведения, в качестве которого выступает факт. «Слово “факт”, – продолжает О. Евдокимова свои размышления, – пронизывает все повествование, становится своеобразным сигналом достоверности. Доверие факту, установка на него как на “идею-силу” – структурообразующий принцип в “Дневнике писателя” <...> “Дневник” – слово писателя о мире и человеке...»⁹ Подчеркну, слово о мире и человеке, особенно русском.

Хотя тема пошлости не часто открыто встречается в «Дневнике писателя», все равно разные аспекты пошлости в русской жизни косвенно или завуалировано ширятся на его страницах. В.В. Ерофеев справедливо подчеркивает, что одной, если не единственной, причиной пошлости, как в «Мертвых душах», так и в «Госпоже Бовари» Флобера, является изолирование, порождающее одну за другой целый ряд человеческих бед: неподвижность, душевное обеднение, пороки, самодовольство, духовную смерть.

В «Дневнике писателя» находим статью «Обособление», которая канонически изображает не столько социальное изолирование человека в условиях провинциальной жизни, сколько не менее пошлой духовное изолирование некоторых современных автору кругов русской столичной интеллигенции. Приведу отрывок из статьи:

Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления». Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и на-

чинает со своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать сначала. <...> Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; *всё разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы*. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом. Вот вам наш современный литератор-художник, то есть из новых людей. Он вступает на поприще и знать не хочет ничего предыдущего; он от себя и сам по себе. Он проповедует новое, он прямо ставит идеал нового слова и нового человека. Он не знает ни европейской литературы, ни своей; он ничего не читал, да и не станет читать. Он не только не читал Пушкина и Тургенева, но, право, вряд ли читал и своих, т. е. Белинского и Добролюбова (22, 80; курсив мой. – А.П.).

Обособление, уединение, притязание на самообеспеченность, как нравственную, так и интеллектуальную, приводят к проявлению пошлости, заостряемой добавлением чванства.

Зинаида Гиппиус с присущей ей пронизательностью и обыкновением «уничтожающе лорнировать людей» выразила подобные мысли в своем «Литературном дневнике», а именно в статье «О пошлости», хотя, конечно, нельзя точно утверждать, был ли «Дневник писателя» Достоевского источником ее рассуждений. Рассматривая тему пошлости у Достоевского и Чехова, З. Гиппиус замечает:

Думают, что они любят одно <...> жизнь в ее мелочах, *все* в жизни, как оно есть; – да еще притом подобные критики называют эти великие мелочи <...> – «пошлостью». <...> мы не только не можем и не должны любить ее <...> «оттуда» веет тяжелым холодом, как из погреб¹⁰.

«Погреб», который имеет в виду Гиппиус, – это то же обособление, о котором пишет Достоевский, это свертывание горизонта, это изначальный отказ от цельности и от стремления к ней. Это зло, это дьявол, стремящийся воплотиться в мире человека, потому что «тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения!» (15, 73).

Этот урок по математике и геометрии будет иметь в виду Андрей Белый на первых страницах «Петербурга», когда

будет изображать метафизический ландшафт столицы и мчашуюся по нему кубическую карету сенатора Аблеухова: фон целого статического мира, построенного на пошлости, пусть высокого ранга, на буржуазной безопасности против нового и угрожающего его еще неопределенным, но грядущим движением.

Тема пошлости как одно из основных проявлений человеческого духа, волей или неволей, связывается с множеством аспектов человеческой жизни, например, с аспектом отношений между полами. В «Дневнике писателя» Достоевский открыто выступает за женщин и бескомпромиссно осуждает жалкую судьбу многих из них, особенно из народа, и непонятно снисходительное отношение судей к мужьям, часто являющимся убийцами своих жен. Не претендуя на глубокий социокультурный анализ, все же замечу, что причина этому опять-таки в обособлении, то есть в отсутствии осознания того факта (или просто в его незнании), что женщина и мужчина, соединенные в браке, уже не являются или во всяком не должны являться отдельными, самодостаточными сущностями, а должны быть духовной целостностью прежде, чем телесной. Другими словами, они должны стремиться к тому, что Соловьев назвал «всеединство».

В статье «Среда», говоря о женщине, покончившей с собой из-за побоев мужа, Достоевский рассуждает:

<...> неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? Я ведь не говорю, что была, <...> но ведь могло быть в зародыше и у ней нечто очень благородное в душе, пожалуй, не хуже, чем и в благородном сословии: любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальнейшей красоты. <...> И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку (21, 21).

Эти несостоявшиеся Беатриче и Гретхен, обогащенные соловьевской софиологией, являются своего рода «предшественницами» «прекрасных дам» символистов, ангельские черты которых до статуса «незнакомок» и Матрен низвела жизнь. В условиях русской культуры это и понятно. Как писал Н. Бердяев:

Русская литература не знает таких прекрасных образов любви, как литература Западной Европы. У нас ничего подобного <...> любви Тристана и Изольды, Данте и Беатриче, Ромео и Джульетты... В русской любви есть что-то темное и мучительное, непросветленное и часто уродливое¹¹.

Там, где в «Дневнике писателя» речь идет о любви или на нее делается намек, стремление к идеальной любви ощущается несравненно ярче, чем в романах и рассказах Достоевского. В художественных произведениях Достоевского любовь проблематична и бесплодна: почти все любовные отношения не знают конкретной реализации. Однако и тут зачастую чувствуется злой дух пошлости. По этому поводу З. Гиппиус замечает:

У Достоевского начатки истинной любви не там, где он думает, не в возвышенных девицах и дамах, а в другой стороне, в Грушенькиной «инфернальности»¹².

Достоевский и культура Серебряного века – тема по своей природе необозримая и требующая глубокого исследования. Объем научной литературы на эту тему едва ли сравним с какой-либо другой, как с точки зрения совокупности авторитетных мнений, так и с точки зрения их хронологии, однако, как мне кажется, аспект публицистической деятельности Достоевского в перспективе культуры начала XX в. или же оценка ее значения дают возможность обнаружить дополнительные причины неутраченного к ней интереса. Эти причины лежат преимущественно в условиях жизни, в том числе повседневной, в разных социальных явлениях, в культуре народа, в которую и пошлость входит в качестве этического барометра определенной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Исупов К.Г.* Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») // *Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования.* Т. 15. СПб, 2000. С. 4.

² Там же. С. 10.

³ *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов Вяч.* Борозды и межи. М., 1916. С. 404.

- ⁴ По этому поводу В.В. Ерофеев замечает: «Гоголю, со своей стороны, “хотелось знать, что скажет вообще русский человек, если его попотчущешь его собственной пошлостью”» (см.: *Ерофеев В. До последнего предела чрезмерности (Шоковая эстетика Гоголя и Флобера)* // Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов: Эссе. М., 1996. С. 486).
- ⁵ *Небольсин А.Р.* О пошлости // *Человек.* 1993. № 3. С. 176.
- ⁶ *Шестов Л.* Поэзия и проза Федора Сологуба // *Речь.* 1909, 24 мая. № 139.
- ⁷ См.: *Волгин И.* «Дневник писателя»: текст и контекст // *Достоевский: Материалы и исследования.* Т. 3. Л., 1978. С. 151–158.
- ⁸ *Евдокимова О.* Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования.* Т. 8. Л., 1988. С. 186.
- ⁹ Там же. С. 178–179.
- ¹⁰ *Антон Крайний (З. Гиппиус).* Пошлость // *Крайний А.* Литературный дневник. 1899–1907. С.Пб., 1908. С. 215–216.
- ¹¹ *Бердяев Н.* Любовь у Достоевского // *Русский эрос, или Философия любви в России.* М., 1991. С. 274.
- ¹² *Гиппиус З.* О любви // *Русский эрос, или Философия любви в России.* С. 197.